

ГОРОД/РЕГИОН КАК ПРОСТРАНСТВО СИМВОЛОВ, ОБРАЗОВ И МИФОВ

З. Гренбецка

**ЧЁРНАЯ «ВОЛГА» И ГОЛЫЕ НЕГРИТЯНКИ: СОВРЕМЕННЫЕ МИФЫ,
ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СЛУХИ О ВРЕМЕНАХ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

(пер. с польского Я. Садовского и М. Ю. Тимофеева)

Каждый польский ребёнок слышал о «чёрной “Волге”». Якобы именно на этом автомобиле, ездили то ли ксёндзы, то ли монашки, то ли сотрудники госбезопасности, или даже высокопоставленные советские чиновники, которые, соблазнив детей конфетами, похищали их и убивали [21, с. 312-313]. Возможно, здесь проявляется отголосок «легенд о крови» — рассказов о хищениях и убийствах христианских детей, якобы совершаемых евреями, которые затем использовали кровь для приготовления мацы [24]. Байки о «чёрной “Волге”» — один из самых популярных современных нарративов, называемых городскими легендами. Впрочем, в области терминологии современного фольклора царит хаос, отражающий, на мой взгляд, существующие дефиниционные проблемы. Дионизиуш Чубала, главный польский исследователь этого явления, пишет: «В своей работе я употребляю множество терминов. Я говорю: “сплетня”, “слух”, “сенсация”, “новость”, “городская легенда”, “современный миф”. Ранее Дорота Симонидес пользовалась терминами: “рассказ из жизни”, “невероятная история”, “ужасная история”, “вампирическая”, а Чеслав Хернас употреблял словосочетание “легенда факта”. Этот номенклатурный плюрализм указывает на некоторую нашу терминологическую беспомощность, одновременно доказывая необходимость срочного уточнения отдельных понятий» [6, 32]. Также и в английском языке нет в этом плане терминологического единогласия: самые часто употребляемые определения — это «urban legend», «modern legend», «contemporary legend», «rumor legend», «modern myth», «rumor», «gossip». По моему мнению, самая важная опознавательная черта рассказов данного типа — это способ отсылки к их подлинности. К таким способам относится ссылка либо на авторитет лиц известных знакомым рассказчика («это произошло с другом моего друга»), либо на СМИ («я читал об этом в газете», «по телевизору говорили...»). Обращает на это внимание Пётр Лукаевич: «Одним из способов, используемых для доказательства подлинности слуха, является ссылка на его источник. Иногда его сюжет построен

таким образом, что в повествовании указывается свидетель описываемых событий для того, чтобы нивелировать возможные сомнения слушателя. Конечно же, анонимность источника, признаваемая иногда характерной чертой таких историй, автоматически не свидетельствует о ложности слуха. Однако ссылка на источник передаваемой информации позволяет перенести на него ответственность за её достоверность, и представить самого себя как исключительно нейтрального посредника. И, тем не менее, при пересказе слухов, ссылка на источник зачастую имеет условный характер. Это лицо либо неизвестное реципиентам данной истории («таксист мне рассказывал»), либо неопределённое («мне рассказывал кто-то, кто был свидетелем...»), или — пусть даже определённое («тётя мне рассказывала»), которая, если исследовать вопрос, вполне может оказаться не столько первоисточником, сколько более ранним звеном в цепи передатчиков» [18, с. 8]. Поэтому наиболее адекватным мне представляется английский термин «foaftale», являющийся сокращением выражения «friend-of-a-friend tale», то есть — «рассказ знакомого моего знакомого». Однако в настоящей статье я буду альтернативно использовать термины, употребляемые Чубалой. У интересующих меня рассказов различная тематика и характер. Я сконцентрируюсь на тех, которые относятся к периоду Польской Народной Республики (и особенно — к коммунистической идеологии и власти, польско-советским отношениям), а также на новейших слухах, возникших в результате катастрофы польского самолёта под Смоленском 10 апреля 2010 года. Последние истории, хотя и не касаются польско-советских отношений, в плане содержания аналогичны мифам времён народной Польши, т.к. основаны на историческом опыте коммунистической эпохи.

Пророчества

Городские легенды или слухи могут иметь пророческий характер, предсказывать будущее и объяснять необъяснимое, «описывая или угадывая общественные, экономические и политические события, действия власти, разглашая тайную информацию и т. п.» [18, с. 4]. После окончания Второй мировой войны в Польше царил неуверенность относительно дальнейшей судьбы страны, незыблемости её границ, да и в целом устойчивости мира во всём мире. Это состояние находило своё отражение в повсеместно повторяемых, «проверенных и точных» сведениях о скором вторжении Красной армии и преобразовании Польши в союзную республику СССР. Противоположный слух гласил, в свою очередь, о том, что вскоре начнётся третья мировая война, во время которой США прибегнут к использованию ядерного оружия, вследствие чего наступит ликвидация всего лагеря стран

народной демократии в Европе [13]. Это ожидание выражалось также в популярном в то время стишке: «Jedna bomba atomowa i wróćimy znów do Lwowa» («Одна атомная бомба, и мы снова вернёмся во Львов»). Уверенность в том, что надвигается война, возросла в начале 1950-х. Дариуш Ярош и Мария Паштор написали об этом: «Несомненно, больше всего слухов касалось самых важных событий в стране и за рубежом, которые разными способами приковывали внимание широких общественных групп. Их нагромождение в течение короткого времени сказывалось, как правило, на росте кривой, отражающей интенсивность таких нарративов. Без сомнения, именно это происходило во второй половине 1950 года. К этому добавились такие события, как начало войны в Корее (июнь 1950-го), валютная реформа (октябрь-ноябрь 1950-го), Национальная всеобщая перепись (декабрь 1950-го), начало так называемой плановой скупки зерна, растущая волна «локальных чудес» [имеется в виду волна явлений Богоматери и случаев плачущих картин религиозного содержания. Вторая такая волна имела место в начале 1980-х – З.Г.] во всей стране» [13, с. 25]. Именно война в Корее воспринималась как начало нового конфликта всемирного масштаба [13, с. 51-65].

Другие нарративы рассматриваемого типа касались возможной коллективизации сельского хозяйства [13, с. 29-44]. Польша якобы обязалась перед СССР ввести колхозную систему в течение трёх лет [13, с. 30]. Красочно описывалась будущая колхозная жизнь. За едой, дескать, будут ходить с котелками к окошку выдачи пищи, звук звонка будет означать час подъёма, ликвидированы будут нерабочие дни [13, с. 31]. Говорилось и о том, что Рокоссовский был выслан Сталиным в Польшу для того, чтобы ускорить процесс польской коллективизации [13, с. 33], а также о том, что США прибегли к использованию своего политического влияния для того, чтобы противодействовать коллективизации в Польше [13, с. 41].

В своём очерке о цепочке счастья Ян Станислав Быстронь отмечает, что беспокойное переходное время вызывает рост интереса к магии, чудесам пророчествам, «волну давних суеверных практик» [4, с. 79-80]. Представляется естественным, что политическим кризисам сопутствуют современные мифы, пытающиеся предугадать будущее. Также и все катастрофы вызывают волну предсказаний, создаваемых после самого описываемого ими события, как, например, приписывание Нострадамусу пророчества об атаке на Всемирный торговый центр (ВТЦ), добавление новых фрагментов, описывающих падение двух башен, и включающих это событие в систему апокалиптических знаков. Многие истории я слышала во время полевых работ в северо-западной Белоруссии во второй половине 1990-х. Самый популярный гласил, что распад Советского Союза был описан в Библии как одно из

событий, предшествующих концу света. Близившийся тогда рубеж тысячелетий сказался на возникновении повествований о конце света в итоге атомной третьей мировой войны, или — чаще — ядерной катастрофы. Дополнительное влияние оказала близость АЭС в литовском Снечкусе, в рассказах о которой на исследуемой мною территории вымерли якобы даже божьи коровки, а рыбы в озере Дрисвяты были огромными и полупрозрачными, так как росли слишком быстро для того, чтобы «наполниться красителем» [11, с. 55]. В свою очередь, после катастрофы АЭС в Чернобыле в Польше рассказывали, что это Звезда-Полынь из Апокалипсиса, падение которой должно было отравить третью часть воды во всём мире. Следует добавить, что катастрофа в Чернобыле повлияла на возникновение множества текстов детского фольклора, в том числе анекдотов, песен и считалок [16].

Также и катастрофа польского правительственного самолёта под Смоленском вписалась в ряд пророчеств и смыслообразующих событий. Конечно же, как и в случае с ВТЦ, возник сюжет Нострадамуса. В интернете можно прочитать: ««И тогда большая птица упадёт, на ней же будут находиться важные лица непобедимой страны, по стране же, охваченной хаосом и трауром, вражий же захватчик ударит с востока». Далее написано, что стальная птица разделит двух братьев» [20]. Отметим, что на тот же отрывок — о птице, разделяющей двух братьев — ссылались нарративы, возникшие после 11 сентября 2001 года. Стальной птицей должны были быть самолёты террористов, братьями же — две башни ВТЦ. Более того, этот фрагмент был тогда сфальсифицирован, после же смоленской катастрофы — дополнительно улучшен блоггерами. Отрывок о стальной птице, непобедимой стране и восточных захватчиках критически комментирует другой пользователь интернета: «...в то же время Нострадамус ничего такого не написал. Это пророчество “произведено” интернетчиками. Такая была нужда. А раз уж не нашли в пророческих записях соответствующего отрывка, то создали пророчество «по заказу» и приписали её Нострадамусу. И прежде, чем до интернетчиков дошли различные опровержения, они уже успели во всё поверить» [21]. Со скептицизмом относится также к пророчествам Полштофа Цековского: ««Я уверен в одном: нынешний президент не будет уже президентом. Как и его брат — премьер-министром» — это было пророчество из декабря прошлого года [2009 — З.Г.] польского ясновидящего Кшиштофа Яцковского. Того самого, который якобы предвидел мировой кризис. Два года назад у Яцковского было видение, которое сегодня может вызвать удивление. Он говорил о катастрофе самолёта или самолётов, которая повлияет на историю Польши. Согласно проповеди, она должна была произойти на Украине. Потом, как предсказал он, миру угрожает война. Сегодня он подчёркивает, что эти факты необязательно должны быть связаны друг с другом». Далее говорится: «в интервью Фонду

“Наутилус” Яцковский рассказывает, как 10 апреля, сразу после трагедии, ему позвонил Анджей Леппер. Он напомнил, что был у него два месяца назад и спрашивал о ближайшем будущем Польши, Яцковский сказал: “вижу спящего Качинского”» [21]. Ссылки на пророчества Яцковского имеются в статье о Фонде «Наутилус», занимающемся сверхъестественными явлениями. Появляются там астрологические подсчёты, указывающие на сходство даты катастрофы и смерти Иоанна Павла II, а также описания личных видений события, присылаемых в Фонд интернетчиками [17]. Для настоящей статьи самым важным представляется соединение смоленской катастрофы и мнимого вторжения с Востока, что, впрочем, связано и с другим сюжетом смоленских *urban legends*, а именно — приписыванием «заказа» катастрофы властям Российской Федерации. Я вернусь к этому сюжету ниже.

«Как после любого ужасного события, так и в этом событии люди ищут различные взаимосвязи. Из-за желания найти ответ о причине необъяснимых событий, они отталкивают от себя рациональные мнения, предпочитая искать правду в видениях, нумерологии, предсказаниях. Под конкретное событие подбирается пророчество, не всегда правдивое» — комментирует смоленские предсказания автор одной из статей в интернете [17]. Порождённые чувством неуверенности, или столкновения с внезапной трагедией сверхъестественные объяснения предопределены потребностью, с одной стороны, обрести ощущение безопасности, которое может обеспечить пророчество, с другой же стороны — создать космический порядок в хаосе, возникающем в период неуверенности или в результате трагедии.

Мифические властелины

Множество городских мифов времён Польской Народной Республики касалось политиков или тогдашних высокопоставленных чиновников — всемогущих «Их». В ситуации отсутствия жёлтой прессы, которая могла бы бесцензурно описывать жизнь коммунистической элиты, распространялись сплетни о ней. Они касались, в первую очередь, романов, богатства и расточительности её представителей. Так, якобы жена Эдварда Герека летала в Париж к парикмахеру и за покупками [5; 6, с. 90], а дверные ручки у них дома были сделаны из золота [6, с. 90]. Премьер-министр Мечислав Раковский якобы женился втайне на певице Ханне Банашак [19, с. 97; 21, с. 330]. Самым известным героем таких пээнэровских слухов был именуемый «красным князем» Анджей Ярошевич — сын премьер-министра Петра Ярошевича. Ему приписывались многочисленные романы (в частности, со звёздами

эстрады), скандалы, угоны машин и многочисленные автомобильные аварии [6, с. 90]. Рассказами о нём и по сей день обилует интернет. «У одного из партийных вождей — Петра Ярошевича, был сын, который обожал разбивать автомобили и красть западные машины. Поэтому, по его ходатайству, угон машины в уголовном праве заменили не наказуемой “доверенностью на автомобиль”» [5]. По этому поводу даже есть полемика: «Про сына — это правда. Автомобильный маньяк, делал, что хотел на автозаводе FSO, торговал автомобилями, и даже дождался своего сюжета в сериале “Дом” :) Но не знаю, правда ли это о “доверенности на автомобиль”» [25]. Слухи об Анджее Ярошевиче обсуждались, впрочем, и во времена народной Польши: «Иногда, хотя и редко, можно найти и некую рациональность, как хотя бы в известной волне сплетен о сыне Ярошевича, со ссылкой на мнимый репортаж о нём во французской печати. Такого репортажа никогда не было, хотя в Варшаве можно было наткнуться как на его самиздатовские переводы, так и на французские версии, впрочем — на прекрасном французском языке. Как будто кто-то хотел ударить по премьеру, причём — кто-то, располагающий немалыми средствами» [10, с. 23]. Здесь мы подходим к сплетням на тему о фракционных войнах, и даже о физических столкновениях коммунистических чиновников. Популярным был, например, слух о том, якобы Герек был ранен силезским общественным деятелем по фамилии Грудзень.

В городской легенде охотно затрагивались эротико-сенсационные темы. Одна из самых нашумевших сплетен Польской Народной Республики касалась смерти певицы Анны Янтар в авиакатастрофе. Один из вариантов гласил, что катастрофа была «липовым» событием, Янтар же была продана коммунистическими властями в гарем за столько золота, сколько сама весила [6, с. 90]. Добавляли, что не только за золото, но и за снижение цен нефти, и что в часах, подаренных шейхом Иоанну Павлу II, ей удалось контрабандой передать письмо с просьбой о помощи, но Ватикан был не в состоянии помочь [21, с. 318]. Коммунистическим лидерам приписывались также похищения и торговля живым товаром, то есть девушками, продаваемыми в западные публичные дома. Мнимая афера получила даже название «Dziwex» («Шлюхоэкспорт») [6, с. 90]. Якобы коммунистическую чету в правительственном доме отдыха в Арламове обслуживали десять голых негритянок [6, с. 90]. Поэтика этих рассказов наводит мысль сказки тысячи и одной ночи. Ещё более экзотичными, но и зловещими были распространяемые в Польше истории о вождях СССР. Согласно наиболее захватывающим, Брежнева омолаживали кровью польских младенцев [6, с. 89]. К подобным лечебным процедурам прибегали якобы и его преемники, причём в этот раз использовались препараты из эмбрионов польских беременных женщин [6, с. 89].

Брежнев, вместе с КГБ, в сотрудничестве с болгарами, был якобы замешан в покушении на Иоанна Павла II.

Таким образом, в историях возникает советский сюжет. Он весьма очевиден, когда речь идёт о современных мифах, связанных с коммунистическими «Другими»: «это последовательно реализуемый образ “Их”». Слово “Они” всегда означает верхушку, с позиций которой всё переоценивается — представленные факты, намерения и желания, ибо “Они” в состоянии изменить всё. Главными “Ими” являются как раз те, кто с Востока. Очевидно, что для природы слухов и сплетен этот образ столь же очевиден, как существование рая для верующих» [10, с. 29]. При этом «Другими» могли быть как советские высокопоставленные чиновники, так и сам СССР или «русские вообще». Наиболее показательным в этом отношении является сюжет об экономической эксплуатации Польши Советским Союзом. Рассказывалось об «увиденных собственными глазами» товарах, вывозимых поездами на восток [6, с. 88; 13, с. 111-122; 19, с. 102]. Симулятивный характер экономического обмена между СССР и Польшей нашёл отражение в истории о фуфайке. Якобы её случайно оставил польский железнодорожный рабочий в вагоне с товарами, отправляемыми в СССР. Когда месяц спустя он разгружал вагон с «братской помощью с востока», то увидел в нём свою собственную фуфайку, что должно было означать, что мнимая помощь СССР состоит из польских товаров.

Сюжет во всём виноватых русских вернулся в Польшу после авиакатастрофы под Смоленском. Кроме поисков причины катастрофы, заключающейся в нажиме на пилотов со стороны президента Качинского или военной верхушки, кроме версии покушения, найденного на борту тротила и т. п., можно было также услышать, что российская сторона распылила искусственный туман, воспользовалась лазерными лучами или таинственными лучами смерти, что офицеры ФСБ добились на месте происшествия троих уцелевших пассажиров, и наконец — что вся катастрофа была липовой, самолёт был похищен, а его пассажиры — все или, по крайней мере, часть — заключены в неизвестном месте. Последняя версия схожа со слухами об Анне Янтар, а также историей о похищении в Гибралтаре дочери генерала Сикорского, которую затем кто-то якобы видел в одном из советских лагерей.

Описываемые городскими легендами коммунистические «Они» имеют также черты мошенников и шпионов. «Одна из наиболее бородастых легенд — про включённый свет в здании ЦК Польской объединённой рабочей партии, горевший до двух часов ночи для того, чтобы показать народу, что Партия усердно работает на его благо» [23]. Этот образ — вечно заботящаяся о народе партийная верхушка — имеет, однако, свою мрачную обрат-

ную сторону. Бессонный добрый пастырь превращается во всевидящее око Саурана из Мордора, а коммунистическая Польша представляется страной, где осуществляется тотальный контроль. Ходили слухи, например, о том, что телефонный коммутатор в Варшаве постоянно прослушивается советскими спецслужбами, что позволяет контролировать любого человека [6, с. 89]. Гигантской башней, предназначенной для подслушивания, с радиусом действия во всю Европу, был якобы Дворец культуры и науки в Варшаве. Считали, что в нём находились кабинеты сотрудников НКВД [13, с. 119]. В интернете, в свою очередь, немало историй о польских попытках подслушивать американское посольство в Варшаве: «с подслушиванием якобы вышел скандалчик при строительстве американского посольства. Поляки понапихали там соответствующих устройств, американцы же официально приняли здание, привезли свою команду, которая нашла всё оставленное поляками. Однако, поскольку они не хотели развязать дипломатический скандал, найденную технику отослали на предприятие, строившее здание, в качестве «остатков стройматериалов» [25]. И другой вариант: «в своё время наши службы получили из Москвы новейшее оборудование для подслушивания. Аппаратура сканировала дрожание стёкол. Наши сразу установили её в здании напротив посольства и прицелились в американские окна. И поначалу у них даже всё вроде получалось, но оператор хотел подкрутить чувствительность — и стекло в американском посольстве вдребезги. Американцы сориентировались, поняв в чём дело, и быстро сменили стёкла во всём здании :)» [23].

Эти мифы создают образ коммунистических властей как безнаказанных, всемогущих и всезнающих «Их», не вписывающихся в представление о природе обыкновенных людей. С другой стороны, они указывают также на полное подчинение Польши Советскому Союзу. К этим сюжетам мы ещё вернёмся.

Магическая действительность

Многие городские легенды, касающиеся времён Польской Народной Республики, создают образ удивительной страны, видимой как будто в кривом зеркале, или прямо-таки находящейся по ту сторону зеркала. Более того, все основные реалии этой страны связаны с социалистическим строем — правят ею всемогущие коммунистические вожди, все же события имеют политический характер. Это видно как по тогдашним повествованиям, так и по сегодняшним нарративам, появляющимся в интернете, или рассказываемых нередко очень молодыми людьми, не имеющими никакого опыта тех времён. Притом, хотя образ и бывает похожим, да и современные истории тождественны давним, причины такого взгляда

да на действительность — по моему мнению, разные. Причины поисков коммунистически-политического контекста всех не очевидных явлений времён народной Польши я склонна видеть — подобно другим исследователям этого вопроса — в информационно-коммуникационной монополии коммунистического режима. «Неявная предпосылка такого типа слухов выражается в убеждении, что почва драматических событий общественного значения политически нейтральной не бывает» — отмечает Лукасевич, добавляя, что это касается событий, которые сами по себе неясны [18, с. 13]. На неясность как существенный фактор возникновения слухов обращают внимание также Аллпорт и Постман, причём — как считают они — сама тема должна быть веской как с точки зрения реципиента, так и отправителя сообщения [1].

Дариуш Ярош и Мария Паштор ссылаются на городские легенды, которые придавали политический характер событиям по сути нейтральным [13, с. 13]. Многие «политизированные» устным фольклором события имели место в 1970-х годах. В середине этого десятилетия авиакатастрофа под Краковом была сочтена последствием попытки похитить самолёт по политическим мотивам. В августе 1971-го года Ян Герхард, полковник Народного Войска польского еврейского происхождения, погиб, изрезанный ножом в собственной квартире. Обстоятельства убийства никогда выяснены не были, хотя, скорее всего, они имели семейный характер. Однако слухи связывали преступление с прошлым Герхарда, с его послевоенной деятельностью в армии и в политическом аппарате, в частности в акции «Висла», то есть депортации украинцев и русинов из Бещад в ответ за деятельность Украинской повстанческой армии, а также в казнях членов этой организации. Подобную интерпретацию давних событий можно найти и сегодня в интернете. В частности, живы ещё слухи о причинах взрыва газа в варшавской «Ротонде» — здании государственного сберегательного банка в центре столицы. В итоге взрыва природного газа в феврале 1979 года погибло почти пятьдесят человек. Поиск политических причин происшествия начался непосредственно после трагедии и не прекращается по сей день. Приведём примеры двух современных интернетовских версий. Согласно первой, «взрыв в Ротонде был неудачным результатом покушения на партийный тайный поезд с Брежневым или кем-то важным, который в это время проезжал по железнодорожному туннелю под Ротондой» [5]. Другая городская легенда, возникшая после взрыва газа в Ротонде, связана со зданием Центрального комитета. История гласила, что «это был теракт, но бомба взорвалась “одним перекрёстком ближе” нужного — или “одним дальше”» [2], а должна была попасть в здание ЦК ПОРП.

Дополнительным мифогенным фактором был «диссонанс между официальным “миром представлений”, описываемым с помощью новояза, и условиями повседневной жизни миллионов людей, ощущающих результаты деятельности властей, резко расходящейся с официальными декларациями» [13, с. 22]. Это разновидность когнитивного диссонанса Фестингера [8], вызванная политической информационной монополией, пропускающей исключительно те сюжеты, которые вписываются в признаваемый системой образ мира. Следует добавить, что в ситуации, когда официальные источники информации не только не пользуются доверием, но им прямо-таки приписывается лживый характер, растёт доверие к неофициальным источникам, по причине их неофициальности. Лукаевич пишет: «В ситуации, когда специализированные информационные институты пользуются ограниченным доверием, будет укрепляться авторитет вне-институциональных источников. Поэтому информация, получаемая в связи с участием реципиента в неформальном информационном общественном поле, может *априори* получить статус “правдивости”» [18, с. 6]. В этой связи Крыстына Керстен отмечает, что неофициальный язык «служит тому, чтобы говорить правду, в то время, как официальный служит для её сокрытия» [14, с. 59].

Источники возникновения легенд, сопутствующих некоторым событиям, необязательно должны быть связаны с господствующей системой. «Атмосфера таинственности, нарастающая вокруг драматических событий, не всегда представляет собой результат их рецепции в контексте политических проблем. Её также может вызвать склонность к фабуляции действительности, позволяющей оторваться от будничного быта» [18, с. 13]. Именно таким способом можно интерпретировать различные варианты легенда о похищении Анны Янтар — наряду с ранее упомянутым, демонстрирующим роль партийной верхушки, распространялись также версии о влюблённом шейхе как организаторе похищения [19, с. 97]. Эта тенденция к фабуляции, сопутствующая убеждённости в «странности», «таинственности» и «негласности» коммунистической действительности, породила например, нарратив о тайных знаках со стороны телеведущей («бывшая дикторша польского телевидения Крыстына Лоска якобы передавала узкому кругу посвящённых с помощью цвета платья или цветка, вколотого в платье, будет ли в этот день, в третьем часу ночи, показываться эротический фильм» [5]). Этот слух указывает не только на настороженное отношение коммунистической системы к сексуальности и эротике, но налицо также убежденность людей в существовании скрытых смыслов тогдашней действительности. Пётр Гайдзинский отмечает, что в тоталитарных и авторитарных странах «политическая жизнь и **большая часть общественной жизни** [выделено — З.Г.] находятся под покровом тайны» [9, с. 57]. На атмосферу таинственности сетовали авторы дневников времён социалистической

Польши. Стоит привести слова Стефана Киселевского: «Это невероятная ситуация: какие-то волки наверху борются зубами за власть, мы же ничего не знаем, мы обречены на слухи и “Свободную Европу”. Абсолютная тайность политической жизни, абсолютное пренебрежение людьми, которых ставят в известность только о том, что выгодно, и тогда, когда это выгодно» [15]. Ещё интереснее отрывок из «Дневников» Марии Домбровской: «Я слышала сплетню, что появилась комета с пятью хвостами, о которой цензура не разрешала писать. Получается, и Вселенная подлежит уже цензуре? Но я думаю, что это всего лишь сплетни» [7]. С убеждением в том, что коммунистические власти держали в тайне все важные для людей события — не только сугубо политические, но и сенсационного характера — я столкнулась уже во время упомянутой экспедиции в Белоруссию. Я там услышала, что коммунистическая верхушка наряду с руководством колхоза скрыли от жителей деревни факт приземления НЛО. «Всё у них было тайное» — подытожил один из моих собеседников [11, с. 87].

Именно такое мышление можно обнаружить и в ныне бытующих в интернете городских легендах о временах народной Польши, представляющих её образ. Как и видно по цитируемым примерам, она похожа на сказочную, странную и таинственную страну. Кажется, что молодое поколение, не имеющее собственного опыта жизни в те времена, порой именно таким видит не слишком давнее прошлое.

Мифы Варшавы

Варшава как столица Польши, к тому же воскресшая из пепла как птица-Феникс, обладает собственными городскими мифами. Большинство из них сосредоточено вокруг Дворца культуры и науки, некоторых официальных зданий и специфики восстановления города. Я описывала эти мифы в другом месте, здесь же только приведу отдельные примеры. Прежде всего, Дворец культуры и науки представляется мировой осью Варшавы, а может быть — и всей Польши [3]. Особенно живуч сюжет туннеля, соединяющего Дворец со зданием старого ЦК ПОРП. В другом варианте туннель якобы связывал Дворец с тюрьмой на улице Раковецкой. Упоминался также подземный переход между Бельведером (в котором в 1980-е был кабинет генерала Войцеха Ярузельского) и находящимся напротив посольством СССР. В этих нарративах подземные коридоры преподносятся как таинственная сеть, соединяющая различные центры власти, на символическом же уровне — связи между «Ними», например — Ярузельским с одной стороны и советскими дипломатами с другой [12, с. 143-145]. Впрочем, образ туннеля между Бельведером и посольством

СССР выполняет роль связи между Бельведером и Кремлём, мифическим представлением телефонной «горячей линии», соединяющей оба центра власти.

Другие «подземные» мифы повествуют о железнодорожной станции под Дворцом культуры. Это напоминает московские нарративы о Метро-2. В плане значения слухи о станции соединяются с нарративами о гигантском противоатомном убежище, расположенном в подземельях ПКиН. Приведём пример из интернета: «к UL [urban legend — 3.Г.] о чёрной “Волге” стоит добавить несколько других из ПНР, а именно — из Варшавы. Больше всего это относится к Дворцу культуры, в подземельях которого располагались секретные военные помещения, огромные и прекрасно снабженные (да!) убежища и т. п. Под Дворцом находилась также секретная железнодорожная станция, специальный же туннель вёл из Дворца прямо в здание ЦК» [2]. Или другой вариант: «Очередная легенда: у ПКиН бронированные и крепкие стены, что он может выдержать ядерный удар» [5]. Здесь же мы имеем дело с идеей «Их» власти, тех, кто, располагая большими возможностями (в плане мифа можно бы сказать об их мощи), смогут спастись, сбежать от возможных опасностей — терактов, беспорядков, ядерного конфликта. Причём, раз эти эскапистские подземелья расположены под Дворцом, они в то же время внизу космической оси, которая тоже подконтрольна властям. Одновременно, это также подземелья — переход в другой мир [12, с. 144].

Другой сюжет объединяет повествования о том, что как послевоенное восстановление Варшавы, а так же её план, и даже некоторые инфраструктурные решения удовлетворяли потребностям СССР. Однозначно это выражает часто повторяемая история о том, что Иосиф Сталин предложил польским властям на выбор два подарка для восстанавливаемой столицы: метрополитен или Дворец Культуры. Польская сторона выбрала метро, но в ответ услышала, что советские власти предпочитают, чтобы поляки выбрали дворец. Эта история в Варшаве относится к числу общеизвестных, хотя никто не в состоянии сослаться на источник этого знания. А вот интернетовская версия этой легенды: «Сталин хотел подарить Варшаве либо Дворец Культуры и Науки, либо метро — как дар Советского Союза Польше. По неизвестным причинам, да и неизвестно кто, решил, что это будет Дворец» [5]. О всесии Советской власти в Варшаве якобы свидетельствовали изменения в маршрутах городского транспорта, проводимые ради удобства советских дипломатов: «трамваи, ходившие по Говорка на Черняковскую и Вилянув, были ликвидированы, так как в находящемся поблизости посольстве СССР были недовольны их шумом...» [5]. Другие истории указывают на приспособленность города к реалиям возможной войны: «дорожный туннель на автомагистрали W-Z должен был быть длиннее, а магистраль за ним должна была круто

подниматься к Банковской площади, так как собирались воссоздать здания, стоявшие некогда на улице Медовой. Здания так не были восстановлены, туннель же оказался короче и мостовая не столь крутая, так как хотели русские, планировавшие, чтобы через туннель свободно и быстро могли проезжать танки. Из-за чего и возникла необходимость в меньшем уклоне дороги» [5]. Рассказывали, что широкие Иерусалимские аллеи и улица Маршалковская, пересекающиеся недалеко от площади Парадов (Дефилад), планировались как добавочный военный аэродром. Все эти нарративы свидетельствуют, с одной стороны, о всемогуществе коммунистических вождей — в данном случае русских, — что должно было создавать образ Польши как не суверенной страны, остающейся советской колонией. С другой стороны, они опять-таки указывают на ПНР как на таинственную страну по ту сторону зеркала, сказочную коммунистическую Утопию, где всё возможно.

Мифы Легницы

Легница, город дислокации советских войск, прославленная «маленькая Москва», в силу сложившихся обстоятельств была местом возникновения различных слухов на тему гарнизона, находящихся в городе и его окрестностях граждан СССР и польско-советских отношений. Близость и секретность закрытой части города порождали потребность пополнения знаний слухами. Городские мифы, хотя и рождались в самом городе, распространялись и по другим частям Польши. Многие из них сохранились и по сей день в памяти жителей Легницы. Двадцать лет, которые прошли с момента окончательного выхода советских войск из города (16 сентября 1993), сказались на том, что тема «маленькой Москвы» овеяна многочисленными легендами. Со многими из них я сталкивалась во время проводимых мною с 2010 года исследований памяти о «советских временах» в Легнице.

Особенно слухо- и мифогенными являются, конечно же, события драматического характера. К таким событиям относился пожар костёла Св. Иоанна, тушить который помогали советские пожарные. Часть легничан дискредитирует их помощь, считая, что, по сути, они спасали расположенные рядом собственные склады. Склады с оружием — уточняют некоторые. Многие вспоминают советского военного, который взобрался по громоотводу на колокольню костёла с пожарным шлангом в руке, к чему был якобы принуждён своим командиром под страхом применения оружия. Другие рассказы касаются перестрелки у кафе «WZ». Почти все мои собеседники слышали об этом инциденте и умеют правильно определить его место, но приводимые причины и ход события сильно расходятся. Говорится об убийстве советским солдатом то ли молодого поляка, то ли ещё и его отца, то ли

даже об уничтожении всей семьи. Причиной убийства было, по одной из версий — воровство, по другой — месть за обман при заключении сделки, по ещё одной — трагедия произошла по невыясненному стечению обстоятельств. Солдат же то ли покончил с собой, то ли был арестован советским патрулем, то ли пристрелен этим патрулем на месте.

Третьим драматическим, мифологизированным событием было самоубийство молодой русской женщины — Лидии Новиковой, случившееся в 1965 году. Оно вызвало волну сплетен о причинах её смерти. Говорилось о романе замужней женщины с поляком — женатым или холостым офицером, который ради неё планировал развестись — или напротив, утверждалось, что роман был разоблачен ревнивой женой поляка, попросившей у польских или советских властей о вмешательстве. Появились также версии о замятом таким образом убийстве, совершённом КГБ — Новикову якобы убили за запрещённую связь. Эта история стала поводом для обращения к этой теме уроженца Легницы режиссёра Вальдемара Кшистека, снявшего фильм «Маленькая Москва». Уверенность в преступной активности КГБ в Легнице можно проследить на примере волны слухов, возникших после экзгумаций, проводившихся в советских секторах городского кладбища на рубеже 2009 и 2010 годов. Тогда ходили слухи, что многие черепа были прострелены, а значит там тайно хоронили жертв казней, совершаемых КГБ. Интересно, что этими жертвами должны были быть не польские, а советские граждане — этот сюжет позволял моим собеседникам подчеркнуть, что советская коммунистическая система была преступной также по отношению и к своим, что порождало чувство солидарности с «простыми русскими».

Секретность и ощущение опасности — это также факторы, влияющие на возникновение легницких легенд. В городе говорится о туннеле, ведущем во Вроцлав, построенном ещё во время немецкой оккупации, но используемом СССР для транспортировки танков. Туннель должен был соединять железнодорожный вокзал и советскую больницу. Это напоминает варшавские мифы о тайных переходах, служащих «Им» и «Ими» же контролируемых, причём в Легнице «Ими» являлись граждане СССР. В свою очередь чувство опасности из-за боязни насилия со стороны советских солдат (изнасилований и грабежей), оправданное непосредственно после войны, произвело на свет многочисленные повествования об изнасилованиях и убийствах на советских полигонах и в казармах, расположенных в пригородных лесах. Такие истории можно услышать и сегодня, причём их героинями являются всегда «знакомые моих знакомых». Вариантом этих нарративов были бытующие в детской среде истории о польских детях, застигнутых на территории советского «Квадрата» во время нелегального похода в магазин за конфетами, и затем убитых жандармами. Другой сюжет, связанный с ощущением опасности, образуют слухи о хранении в

Легнице и её окрестностях ядерного оружия, в том числе ракет с ядерными боеголовками. Дескать, из-за этого факта американские ракеты были нацелены на Легницу. Если бы тогда разразился вооружённый конфликт, или напрямую началась бы третья мировая война, именно Легница должна была стать первой целью американской атаки.

Многие легенды касаются последних лет присутствия Советской армии, когда было уже известно решение о выходе войск. Рассказывается о волне сделок по продаже всего что угодно, в том числе — и прежде всего — оружия. Многие легничане слышали о предлагаемых взамен за разные товары вёдрах гранат, чуть реже — о вёдрах патронов. По слухам, можно было даже купить ракеты и танки, или, по крайней мере, то, что они предлагались советскими военнослужащими потенциальным покупателям. Многие легенды касаются массового слива на землю топлива, что якобы загрязнило почву. Об этих слухах пишет также Чубала [6, с. 89]. Сплетни, собираемые мною в Легнице, касаются также специфического сотрудничества командования Советской армии с церковными властями. Дескать, чердак тогдашнего Дома офицера (сегодняшней епископской курии и духовной семинарии) был целенаправленно подожжён советской стороной для того, чтобы здание проще было передать католической Церкви. Говорится и о том, что священники заказывали у советских офицеров убранство довоенных немецких вилл с территории «Квадрата» (в находящемся в том районе закрытом квартале раньше проживали высшие немецкие офицеры). Немалая часть антикварной мебели якобы была передана некоторым священнослужителям неофициально. Гражданам СССР приписывается разорение сдаваемых зданий — они якобы вырывали из стен кабель и краны, из дверей выкручивали ручки, пробивали отверстия, ведущие в низшие этажи, а затем использовали их в качестве туалетов. Здесь мы имеем дело с типичным для польских *urban legends* стереотипом русских как диких и нецивилизованных людей [13, с. 111-125]. Впрочем, другие рассказы говорят о том, что разорения осуществлялись самими поляками, части из которых за счёт мародёрства удалось даже скопить средства на запуск собственного бизнеса.

Полагаю, что легницкие городские мифы призваны были (отчасти они и ныне продолжают выполнять эту функцию) пополнить недостающую информацию о действиях Советской армии, проникнуть, метафорически выражаясь, в тайну, скрываемую за стеной «Квадрата» и на лесных полигонах. С другой стороны, они выстраивали образ грозных советских «Их», правивших городом, его жителями и пространством — и заодно сводили на нет их величие, ссылаясь на стереотипную дикость русских. Тем самым, городские легенды объясняли действительность, позволяли (и позволяют) ответить на вопрос «Кто такие были эти русские?». Более того, эта напряжённость между образом грозных «Их» и обра-

зом простых граждан СССР способствовала возникновению специфичного легницкого гуманизма, чётко различавшего систему и людей, вождей и пешек. Это, в свою очередь, оправдывало и оправдывает все тогдашние неформальные и, прежде всего, коммерческие отношения с советскими людьми, придавая им положительную нравственную оценку, создавая возможность для того, чтобы увидеть человека даже в представителе притесняющей системы, абстрагируясь при этом от всех возможных ассоциаций с коллаборационизмом, сотрудничеством с «врагом». Что интересно, налицо здесь своеобразная гордость жителей Легницы: хотя в их городе и были Чужие, пусть даже надоедливые, но это — по крайней мере — были Чужие действительно важные, присутствие которых повышало статус Легницы. Провинциальный город в легенде приобретало ранг самой важной стратегической цели американских ракет.

* * *

Аллпорт и Постман считают, что слухи распространяются в связи с ощущаемым обществом недостатком существенной информации, и поэтому они представляют собой клапан безопасности для психико-эмоционального напряжения [1]. Пётр Лукаевич отмечает также, что «Структура общественного строя, препятствующая или делающая невозможной выражение социальной позиции, формирует институциональный контроль поля социальной коммуникации, следствием которого может быть возникновение альтернативной системы распространения информации, пытающейся нейтрализовать этот контроль. В свою очередь, ограничение свободы выражения общественных стремлений и убеждений ведёт к их подавлению, одним же из средств, способствующих освобождению от вызванного этим психологического напряжения, является присутствие в коммуникационном поле отдельных (преувеличенных, вымышленных) сообщений, в содержании которых имеется проекция этого конфликта» [18, с. 15]. Это объясняет феномен распространения городских легенд и слухов в условиях государственной монополии на получение информации, вызывающей закрытость некоторых сфер общественной жизни.

Легенды были также оружием борьбы. Керстен отмечает, что слухи, направленные против коммунистической власти, «выражали убеждение, что это чужая власть, навязанная, а значит — были элементом национальной самозащиты» [14, с. 4]. Менее радикальная позиция гласит, что «слухи и сплетни [...] не опровергают официальную информацию, а дополняют её, причём это дополнение является спорным» [10, с. 14]. Это связано со своеобразным статусом этих текстов современного фольклора, так как «в слухе и сплетне правдивости сопутствует, как правило, стремление к отрицанию истинности картины мира, существующей в официальном информационном поле» [10, с. 15]. Поэтому они пред-

ставляют собой оружие против политической системы и связанной с ней власти. Даже безобидные, казалось бы, сплетни о жёнах госчиновников или таинственных туннелях имеют здесь антикоммунистический характер в том смысле, что они разрушают информационную монополию системы.

Но они использовались и как оружие власти, применяемое в отношении общества или в рамках фракционных разборок. Для этой второй цели, по всей вероятности, использовались (и, наверное, подготавливались) приведённые ранее слухи на тему Анджея Ярошевича. В свою очередь, в 1968 году, скорее всего, целенаправленно рассеивались уличные сплетни, для чего использовались таксисты. Крыстына Керстен пишет об этих событиях: «соответствовала ли действительности информация о таксистах для особых поручений, разносивших слухи в 1968 году — или они сами по себе были лишь сплетней? Сплетней они были наверняка, причём — классической, так как были информацией, неподдающейся верификации, передаваемой из уст в уста, но может быть, были и правдой» [14, с. 5]. Эту мысль следует подчеркнуть: исследуя современные мифы или городские легенды, т.к. мы не можем однозначно утверждать, что они являются правдивыми или ложными. Отнести повествование к жанру современного фольклора позволяет ссылка на авторитет мнимого источника информации — «знакомого моего знакомого», отсутствие добавочной верификации, а также вариации искомого сюжета. В основе слухов могут лежать подлинные события, и в общих чертах они могут быть вполне правдоподобными. Однако их истинность не обязательно должна быть предметом рассмотрения этнолога или фольклориста — намного существеннее для него могут быть социальные функции слухов, и прежде всего выраженных в них образах мира и общественных отношений.

Список литературы и источников

1. Allport G. W., Postman L. *The Psychology of Rumor*. — N. Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1948.
2. Bazyliśzek 4, Re: Urban Legends – jakie znacie? http://forum.gazeta.pl/forum/w,384,29416150,30004864,Re_Urban_Legends_jakie_znacie_.html [17.12.2012]
3. Benedyktowicz Z. *Widmo środka świata. Przyczynek do antropologii współczesności // Mitologie popularne. Szkice z antropologii współczesności / red. D. Czaja*. — Kraków, 1994.

4. Bystron J. St. Łańcuch szczęścia // Bystron J. St. Tematy, które mi odradzano. — Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980.
5. Corgan, Re: Urban Legends of Warsaw. http://forum.gazeta.pl/forum/w,51,21798082,21804675,Re_Urban_legends_of_Warsaw_.html [17.12.2012]
6. Czubala D. Współczesne legendy miejskie. — Katowice: Uniwersytet Śląski, 1993.
7. Dąbrowska M. Dzienniki powojenne 1945-1965. T. 1. — Warszawa, 1997.
8. Festinger L. Cognitive dissonance // Scientific American. 1962. № 207(4). — P. 93-107.
9. Gajdziński P. Imperium plotki czyli amerykańskie śniadanie z niemowląt. — Warszawa: Prószyński i S-ka, 2000.
10. GF, Plotka o socjalizmie // Plotka a monopol informacji / pod red. S. Amsterdamskiego, T. Kowalika i K. Wolickiego. — Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza 2, 1981.
11. Grębecka Z. Ludowa wizja komunizmu i propagandy komunistycznej z Braśławszczyzny z lat 1996-1999 / praca magisterska, maszynopis w archiwum IEiAK UW. — Warszawa, 1999.
12. Grębecka Z. Axis mundi i rany symboliczne // Pałac Kultury i Nauki. Między ideologią a masową wyobraźnią / red. Z. Grębecka, J. Sadowski. — Kraków: Oficyna Wydawnicza Muzeum Historycznego Miasta Krakowa, 2007.
13. Jarosz D., Pasztor M. W krzywym zwierciadle. Polityka władz komunistycznych w Polsce w świetle plotek i pogłosek z lat 1949-1956. — Warszawa: FAKT, 1995.
14. Kersten K. Społeczna rola plotki // Plotka a monopol informacji / pod red. S. Amsterdamskiego, T. Kowalika i K. Wolickiego. — Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza 2, 1981.
15. Kisielewski S. Dzienniki: pisma wybrane. — Warszawa: Iskry, 1996.
16. Kolbowska E., Nowak K. Reakcje społeczeństwa polskiego na katastrofę w Czarnobylu // Kultura i Społeczeństwo. 1989. T. 33. № 1 — S. 213-226.
17. kp, Smoleńsk. Katastrofa. „Ta tragedia była zapisana w liczbach i przepowiedniach”. http://www.wspolczesna.pl/apps/pbcs.dll/article?AID=/20100421/KATASTROFA_SAMOLOTU_PREZYDENCCK/937358518 [17.12.2012]

18. Łukasiewicz P. Pogłoska i dowcip polityczny w PRL. Próba analizy socjologicznej. — Warszawa: In Plus, 1987.

19. Łukasiewicz P. Porządek społeczny w potocznych wyobrażeniach i przekazach (spojrzenie na społeczeństwo polskie). — Warszawa, 1991.

20. Markowska-Kula P. Przepowiednia Nostradamusa o katastrofie w Smoleńsku, <http://www.mmbydgoszcz.pl/301975/2010/4/15/przepowiednia-nostradamusa-o-katastrofie-w-smolensku?category=news> [17.12.2012]

21. Orliński W. Legendy polskie // Barber M. Legendy miejskie. — Warszawa, 2007.

22. Płes A. Czy tragedia w Smoleńsku została przepowiedziana? O wizjonerach i przewidywaniu katastrof, <http://www.nowiny24.pl/apps/pbcs.dll/article?AID=/20100425/WEEKEND/849873982> [17.12.2012]

23. Sebpl, Urban legends of Warsaw, http://forum.gazeta.pl/forum/w,51,21798082,21812574,Re_Urban_legends_of_Warsaw_.html?v=2 [17.12.2012]

24. Tokarska-Bakir J. Legendy o krwi. Antropologia przesądu. — Warszawa: Wydawnictwo W.A.B., 2008.

25. tom_aszek, Re: Urban Legends of Warsaw. http://forum.gazeta.pl/forum/w,51,21798082,21812574,Re_Urban_legends_of_Warsaw_.html?v=2 [17.12.2012]